

На правах рукописи

ИСМАГУЛОВА ГУЛЬНАР КУЛЬМУХАМБЕТОВНА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

(на материале русского, немецкого и казахского языков)

Специальность 10.02.20 –
сравнительно-историческое,
сопоставительное и типологическое языкознание

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень - 2005

Работа выполнена на кафедре французского языка и межкультурной коммуникации Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Нефёдова Лилия Амиряновна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Гарипов Равил Касимович

кандидат филологических наук
Антонова Светлана Николаевна

Ведущая организация ГОУВПО «Южно – Уральский
государственный университет»

Защита состоится 29 ноября 2005 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета К 212.274.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1, ауд.211.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале информационно-библиотечного центра Тюменского государственного университета: 625003 г. Тюмень, ул. Семакова, 18.

Автореферат разослан «27» октября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Сотникова Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в рамках сопоставительного анализа гендерных отношений в лингвокультурологическом аспекте с позиции триединства «человек - язык - культура», что позволяет рассматривать языковые явления в тесной связи с самим человеком, его культурой, мышлением и когнитивной деятельностью.

Развитие лингвокультурологического направления обуславливается стремлением к осмыслению культуры как специфической формы существования человека и общества в мире, потому что культурный компонент значения является неотъемлемым свойством единиц любого национального языка на всех его уровнях.

Человеческий пол как одна из основных характеристик личности, рассматриваемой в социуме, культуре и языке, находится в центре внимания гендерных исследований. Принадлежность к тому или иному полу определяет отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение языковой личности, стереотипные представления о мужских и женских качествах – всё то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры, позволяющей выявить общее и особенное в конструировании гендерлектов.

Актуальность работы обусловлена тем, что осмысление репрезентации пола в аспекте культуры и языка требует системного подхода, а также тем, что в связи с отсутствием в лингвистике комплексного подхода к осознанию гендерного фактора в языке и речи выбранная область мало разработана. Кроме того, сопоставительное исследование гендерных отношений в лингвокультурологическом аспекте является одним из перспективных направлений современного языкознания.

Объектом данного исследования является группа фрагментов номинативной системы, эксплицирующая мужественность и женственность на материале казахского, немецкого и русского языков.

Предметом исследования становятся специфика и способы выражения лингвокультурных концептов «мужчина» и «женщина» в системе исследуемых языков.

Материалом для предпринятого исследования послужили данные сплошной выборки из толковых словарей русского, казахского и немецкого языков, словарей синонимов, фразеологизмов, пословиц и поговорок, сентенции известных людей, а также художественные тексты российских, казахских и немецких авторов. Отбор материала осуществлялся по его гендерной маркированности в значении лексической единицы.

В основу проведенного исследования положена следующая гипотеза: язык и культура каждого народа наряду с общими чертами гендерной специфики, вносят в её конструирование национальные особенности, позволяющие выделить разную степень андроцентризма. При всей универсальности гендерные отношения имеют определенную национальную специфику. Следовательно, изучение гендера

возможно лишь с учетом этнокультурных традиций и национальной специфики языка.

Целью данной работы является сравнительный анализ манифестации лингвокультурологического аспекта гендерных отношений в казахском, немецком и русском языках.

Поставленная цель достигается путем решения следующих задач:

- 1) определить понятие «гендер» и описать его семантические особенности;
- 2) выявить причины возникновения гендерных стереотипов в обществе;
- 3) изучить взаимодействие языка и культуры внутри языковой личности;
- 4) проанализировать культурно-символические коды концептов «мужчина» и «женщина» на конкретных примерах, извлеченных из паремиологического фонда и художественной литературы сравниваемых языков;
- 5) сравнить лингвокультурологическую специфику гендерлектов русского, казахского и немецкого языков.

Для реализации поставленных задач в работе используется комплекс следующих **методов и приемов**: метод сплошной выборки материала, описательный метод, классификационный метод, метод компонентного анализа, метод сопоставительного и контекстуального анализа, метод количественного анализа, метод дефиниционного анализа, сравнительно- сопоставительный метод, а также элементы когнитивного анализа.

Теоретическую базу данного исследования составляют труды российских и зарубежных учёных: Е. Вебер, А. Вежбицкой, И.А. Жеребкиной, А.В. Кирилиной, Н.Н. Кочеткова, Дж. Лакоффа, Р. Лакофф, В.А. Масловой, М.М. Малышевой, К. Оперман, Т.В. Писановой, Л. Пуш, В.Н. Телия, З. Трёмель – Плётц, работы которых охватывают проблемы взаимоотношения языка, культуры и пола.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в работе

- обосновано системное описание пола как феномена культуры и объекта лингвокультурологии;
- впервые изучен с позиции гендера ряд феноменов казахского языка;
- проведен сопоставительный анализ гендерлектов русского, казахского и немецкого языков.

Теоретическая значимость настоящего исследования определяется разработкой лингвокультурологического направления в сравнительно-сопоставительных исследованиях применительно к концептам «мужчина» и «женщина». Выявленные тенденции использования гендерных отношений в сопоставляемых языках могут способствовать углублению знаний о национальной специфике языковых картин мира. С теоретических позиций данная работа интересна тем, что она позволяет осмыслить и расширить спектр гендерных исследований. Результаты исследования могут быть использованы при описании или сравнении образов женщины и мужчины в языковой картине мира других культур. Кроме того, исследование может способствовать дальнейшему изучению гендерного фактора в процессе коммуникации.

Практическая значимость выполненной работы состоит в том, что полученные результаты могут найти применение в теоретических курсах по

лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, сравнительной типологии немецкого, русского и казахского языков, культурной антропологии, а также этнолингвистике. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке спецкурсов и семинаров, посвященных проблемам языка и культуры, национальной специфики языковых картин мира, проблемам сопоставительного исследования отдельных лексико-семантических групп.

Положения, выносимые на защиту:

1. Гендер как социокультурный конструкт находит яркое воплощение в разноязыковых картинах мира. Исследуемый феномен имеет множественное проявление в языках, выражаясь в семантике лексических, фразеологических и паремиологических единиц.

2. При всей универсальности понятий мужественности и женственности, гендерные отношения обладают определенной национальной спецификой, которая выявляется при их сопоставительном анализе с учетом этнокультурных препозиций. Данные препозиции определяют их различную акцентированность в культуре народа.

3. Лингвокультурологический анализ гендерных отношений в русском, немецком и казахском языках обнаруживает значительное их совпадение, однако сопоставительный анализ позволяет судить о различиях в соответствующих фрагментах языковых картин мира, обусловленных этнокультурными традициями и национальной спецификой языка.

4. Фемининность и маскулинность резко разграничены в языках изучаемых культур в количественном и качественном планах, что объясняет образование гендерной асимметрии, которая регламентирует языковое поведение человека с позиций менталитета носителей языка.

Апробация материалов исследования.

Основные положения диссертационного исследования излагались в докладах и сообщениях на Всероссийской научной конференции «Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи» (Соликамск, 2004), на Международной научной конференции «Диалог языков и культур в гуманистической парадигме» (Челябинск, 2004), на Международной конференции российских ВУЗов (Екатеринбург, 2004), на научной конференции «Теория и практика перевода и профессиональной подготовке переводчиков» (Пермь, 2005), в Межвузовском сборнике научных трудов «Когнитивно-прагматические аспекты функционирования и дискурса в общетеоретическом и сопоставительном плане» (Челябинск, 2005), на Международных научных конференциях «Актуальные социально-экономические проблемы образования и науки на современном этапе» (Кокшетау, 2005), «Интеграция деятельности «школа-вуз» как залог успешной профессиональной подготовки будущего учителя» (Костанай, 2005).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 197 наименований, списка словарей и справочников (32 наименования) и 15 источников примеров. Основной текст работы изложен на 162 страницах. Общий объем диссертационного исследования составляет 178 страниц печатного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определяется общее направление и обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, а также излагаются положения, выносимые на защиту, определяется основная гипотеза, выявляется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются методы, которые использованы в диссертации.

Первая глава «Проявление лингвокультурологических знаний в рассмотрении гендерной проблематики» посвящена рассмотрению специфики проявления лингвокультурологических знаний, анализу понятий «гендер» и «пол», «концепт» и «стереотип», «языковая картина мира», репрезентации гендера в языке и речи, а также характеристике мужского и женского речевого поведения. В данной главе проанализированы понятия «мужчина» и «женщина» как культурные концепты, а также исследуется проблема гендерных стереотипов и их языковая выраженность, описаны семантические признаки культурно-символических кодов в казахском, русском и немецком языках в аспекте гендерной метафоры, выявлена лингвокультурологическая специфика гендерных отношений в сопоставляемых языках.

Анализируя структуры языка, связанные с полом, исследователи исходят сегодня из его социальной и культурной обусловленности, рассматриваемой в рамках лингвокультурологии, которая, по словам С.Г. Воркачева (Воркачев 2001) является новейшим молекулярным соединением лингвистики и культурологии и предоставляет нам возможность по-новому изучить взаимодействие языка и культуры в рамках гендерной проблематики. Связующим звеном между языком и культурой является человек, как языковая, речевая, коммуникативная личность, становление которой происходит в процессе ее социализации.

Вслед за Р. Лакофф мы считаем, что гендер является социокультурным конструктом, поэтому изучение специфики речевой коммуникации должно включать в себя как социальный статус коммуникантов, так и этнокультурные традиции. Для различных культурных пространств характерны различные коды. Код культуры понимается нами вслед за В.В. Красных как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его (Красных 2003). Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Однако, при всей общечеловеческой универсальности концепты «мужчина» и «женщина» складываются из отдельных частей и имеют национально-культурную специфику, отражаясь при этом через различные коды культуры. Коды культуры фиксируются в языковом сознании, в языке, ибо сам язык есть специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов. Выступая в функции культурных знаков – эталонов и стереотипов культурно-национального миропонимания, язык не только участвует в воспроизведении и межпоколенной трансляции установок национальной культуры, но и формирует ее. Исследователи говорят о нескольких кодах, характерных для различных культур. При рассмотрении гендерных отношений мы выделяем природно-

физический, интеллектуальный, биоморфный и лингвистический коды культуры. В рамках природно-физического кода в языке наблюдается описание физических параметров женщин с позиции их уменьшения, что подчеркивается оппозицией с мужской фигурой: женщина - крошка, малышка, детка (Kleinchen, Baby, Pretty Woman, нәзіктім, шырағым, айым); мужчина – детина, здоровяк (Bulle, Bursche, алып, алпамыс, дәу). В рамках рассматриваемого кода мы часто имеем дело с системой единиц и значений, определяющих национальную специфику языка, когда коммуниканты хорошо понимают друг друга, поскольку речь идет о вещах одинаково хорошо знакомых и понятных им – национально-прецедентных феноменах: карга, ведьма; Wafeleisen, Denkmal; мыстан. Женщина – это аппетитная, пышная, сбитая, ядрёная, в соку, в прыску как правило баба. В казахском языке обнаружены аналогичные выражения: екі бетінен қаны тамғандай/как будто кровь капает из обеих щек; бес биенің сабасындай/как сосуд для молока пяти кобылиц; екі беті нарттай/красные щеки и другие. В женщине ценятся ее природно-физические качества: красота, элегантность, молодость, подвижность: сымбаттым, арулым/милашка, қымбаттым/дорогая, айым/лунолика, күнім/солнце мое, сауле/лучик, гүлім/цветочек. Языки культур строго осуждают отклонение от заданных женщине параметров: так, *мужичка* – женщина из простого народа, крестьянка (Словарь русского языка 1957) приобрело сегодня общеупотребительное значение по отношению к женщине с крупным телосложением или грубыми чертами. Точный эквивалент лексемы существует и в немецком языке – *das Mannweib, die vermännlichte Frau*. Идиоматика языков не только отображает положительные черты мужчин, но и сущность «женского» ума. Сильная половина/*das starke Geschlecht* представлена как глава, хозяин положения: быть хозяином дела, поступать по-мужски; *einer Sache Herr sein*; от ағасы, бийлеу. О маркированности характеристик интеллектуальной продукции женщин говорят такие единицы языка, как женская логика, женский роман, женские штучки, *weiblicher Reim* (женская рифма), *эйелдер әңгімесі* (женский разговор/пустой разговор). В биоморфном коде культуры, связанном с бытовыми стереотипами, содержится целый ряд примеров, сочетающихся с концептом «женщина». Так, в русской культуре «змея» - это коварная, холодная женщина, о которой говорят «змея подколодная», «пригреть змею на груди», «кукушка» – мать, бросившая детей, «бабочка» (ночная) и «стрекоза» – метафоры, обозначающие женщину легкого поведения, легкомысленную женщину. Быть индюшкой означает в языке быть дурой, сорока – болтливая женщина, сплетница; коза – бойкая и беспокойная девка, а пчелка - труженница. Метафорическое обозначение в русской языковой картине имеет ряд зооморфизмов, передающих физические данные женского пола: корова - толстая, неуклюжая, неповоротливая женщина; лебедь, лебёдушка, напротив, – красавица; лошадь – женщина крупного телосложения, физически выносливая женщина.

В биоморфном коде немецкого языка можно обнаружить метафорические выражения, описывающие наряду с общими и специфические черты концепта «женщина». *Dufte Biene*/ пчела - симпатичная девушка, напротив *ein hässliches Entlein*/гадкий утенок – страшилище, *Zicke*, берлинский вариант *Ziege*/коза, - костлявая, некрасивая женщина, а иногда и старая женщина. Ряд прилагательных,

употребленных с данным существительным, придают выражению различные семантические значения: *doofe Zicke* - скучная, *dürre Zicke* – худая, *gleichberechtigte* – скандальная и просто стерва. Названия некоторых других животных символизируют многие внутренние отрицательные черты: *Rattensch*/крыса, то есть наглая, хитрая женщина; *giftige Kröte*/ведьма, злока, *fresche Kröte*/наглая девочка; *Rabenmutter*/ворона – мать, не заботящаяся о своих детях; *falsche Schlange*/лживая змея - предательница; *die Gans - ein naives Mädchen*/наивная, неопытная молодая девушка; *blöde Gans*/дура. В языке также осуждается вмешательство в сферу мужского «превосходства» со стороны женщины, то есть главенство в семье, общая активность; отсюда – *Hausdrachen – dominante Ehefrau*/домашний дракон, *Krampfhenne – aktive Frau*/активная женщина.

В казахском языке обнаружены речевые обороты, где женский пол сравнивается с некоторыми чертами поведения собаки. Так например испорченная женщина сравнивается с приبلудной собакой: *бұзылған қатын бұралқы итпен тең*. Сварливую женщину характеризуют выражением *аузынан ақ ит кіріп көк ит шыққан*/лаять как собака или буквально белая собака зашла в рот, а голубая вышла. Голубой цвет/*көк* рассматривается как специфический лингвистический код, противопоставленный белому и несущий в себе отрицательную коннотацию, например, *көк бет әйел*/бессовестная женщина, *көк долы*/обидчивая, капризная, сварливая. Черный цвет/*қара* в языке, напротив, наделен чаще положительной семантикой, хотя, безусловно, в ряде сочетаний наблюдается и отрицательное значение (например, *қара бет – бесстыдник/бесстыдница*). В качестве подтверждения можно привести достаточно примеров: *қара өлең* – народная песня; *қара шаңырақ* – дом предков; очаг, *қара орын* – родина, земля предков; *қара орман* – имущество (скот, состояние); *қара сөз* – народные слова.

В языках культур наличествует «двойной стандарт»: то, что не одобряется бытовой моралью у женщины, не имеет и следа негативной оценки мужчины. Так, дамский угодник, женолюб/*Schürzenjäger*, *Frauenheld*/эйел жанды – это всего лишь мужчина, равнодушный к особям противоположного пола. В этой двойственности скрывается вседозволенность маскулинности, одной из причин которой является физическая сила, социальный статус «хозяина», «отца», «кормильца».

Важное место в главе занимает проблема языковой и речевой асимметрии. В основу её изучения легли труды немецких и российских ученых З. Трёмель-Плётц, Л. Пуш, К. Оперман, Е. Вебер, Е. Горошко, А. Кирилиной, И. Ворониной. Исследователи утверждают, что, хотя для обоих полов существует один язык, в языковом поведении мужчин и женщин все-таки наблюдаются различия. Как показывает конкретный языковой материал, язык структурирован с мужской позиции и чаще фиксирует картину мира с мужской точки зрения. Так, в казахской языковой картине мира, также как в немецкой и русской, действует механизм «включенности» женщин в мужской пол: об этом свидетельствуют существующие обозначения рода деятельности и их заимствованные формы, например *есепші (бухгалтер)*, *жазушы (писатель)*, *министр*, *депутат*,

мажлисмен. Анализ следующих примеров также подтверждает действенность данного механизма. Так, *ага-лейтенант/старший лейтенант*, букв. *ага - старший брат, обращение к старшему по возрасту мужчине*. Хотя первый компонент лексемы гендерно маркирован, он одинаково служит для обозначения воинского звания как мужчин, так и женщин. По аналогии используется обозначение *төр-ага/председатель*. В немецком и русском языках из-за наличия морфологических средств, служащих для обозначения лиц женского пола, данный механизм не всегда проявляет себя. Но в то же время существительные женского рода являются производными от существительных мужского рода: *писатель – писательница, Arzt - Ärztin*. Кроме того, имеются некоторые обозначения рода деятельности, от которых женские формы не образуются: *слесарь, Maurer*. Рассматриваемый механизм не функционирует в обратном направлении, поскольку использование форм женского рода не может иметь нейтральную окраску относительно пола: например, *техничка, Putzfrau (уборщица), медбибі/бикеш* (медсестра). Поскольку вторая основа составных единиц гендерно ориентирована и обозначает лицо женского пола *бибі/бикеш* (молодая девушка, женщина), *Грау* (женщина), то их лексические значения не включают мужчин. Гендерная асимметрия наблюдается в казахском языке и при определении возраста. Тот или иной возраст мужчины манифестирован отдельными лексическими единицами: *бөбек (1-2 года), балдырған (3-5 лет), ойын баласы (8-12 лет), сызыр (12-15 лет), боз бала (16-19 лет), жас жігіт (20-30 лет), құр жігіт (30-40 лет), ер түлегі (40-50 лет), жігіт ағасы (50-60 лет)*. Каждая из названных единиц определяет развитие и становление мужчины, его физическую и умственную зрелость. Для обозначения схожих возрастных параметров женщин (кроме отдельных, таких как, *бөпе 1-2 года, бой жеткен/девушка на выданье*) других лексических единиц не обнаружено. Использование языка регламентировано культурными традициями казахского народа.

Проанализированный лексический материал указывает на неравный общественно-социальный статус, сложившийся в системе именовании родства казахов. Так, в языке разными лексемами представлено родство по мужской и женской линии. Если в русском и немецком языках дети детей – это *внуки /Enkelkinder*, то в казахском *немере /внуки* по линии сына, а *жиен - племянники, т.е. дети* дочери. Родственники по материнской линии именуется как *нағашы журт (родственники по материнской линии)*, по отцовской *ата журт – просто родня*. Система именовании степени родства в языке и культуре чётко разграничена, причем женская половина общества «дискриминируется», предпочтение отдается мужской. Обычай запрещает снохам называть мужа и старших в семье мужа по имени. Так, муж - это *от ағасы/глава семьи, біздің кісі/наш хозяин*; для деверей придумывались описательные ласкательные имена *Тентек/баловень, Кенжеш/младшенький* и др. Превосходство мужчины кодифицировано языком.

Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывающих отпечаток на процессы ее языковой социализации. Проанализировав данный аспект, мы полностью согласились с Ф. Хайдером, что языковая социализация личности начинается с раннего детства.

Общение в гомогенной группе обеспечивает «полоспецифическую культуру» личности (Heider 1977). Обучение специальным лингвистическим правилам держит женщину в существующих рамках «женского языка» и обеспечивает ее дальнейшее подчиненное положение в обществе. Стратегия речевой коммуникации также различна у мужчин и женщин. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, мало ориентированная на беседу, но более динамичная коммуникация, женский тип коммуникации больше ориентирован на собеседника, на подчиненную роль в общении. Мужчины предпочитают доминировать в разговоре, для женщин важен аспект установления отношений. В целом, женский язык характеризуется большей сентиментальностью, эмоциональностью, консервативностью.

Язык, как показывают номинативные единицы, структурирован с маскулинной позиции, это значит, что общечеловеческим принято считать мужскую позицию. Тем не менее, мы, вслед за А. Кирилиной, можем констатировать, что степень андроцентризма разных языков и культур варьирует от ярко выраженной к более мягкой. Это говорит о наличии мужественных и женственных культур, которые структурируются по набору ценностей, установок, норм и моделей поведения, отличных в каждой культуре. Нормативно-ценностные ориентиры культур дают право судить о мужественности немецкого народа, женственности, а иногда антиномичности, русского народа. Женственность русской культуры нашла отражение в общеизвестных прецедентных выражениях, таких как *Россия-матушка*, *Родина-мать*, «вечно бабьем в русской душе» Н.А. Бердяева. Мужественность немецкого народа выражена такими лексемами и высказываниями, как *Vaterland*, *Vaterlandsliebe*, *Vater Rhein*, *Fleiss ist des Glückes Vater*. Анализ прецедентных высказываний казахского языка позволил нам сделать вывод о том, что в данной культуре гармонично сосуществуют мужественность и женственность. В языке тесно переплетаются оба начала, каждое из которых имеет свое значение и место в системе этнических ценностей. Хотя верх и величие закреплены за мужским началом, семантическая ценность нарастает снизу *эке - асқар тау* (высокая гора соотносится с мужественностью), *шеше - айдын* (водная гладь – с женственностью); *ата - бәйтерек* (мировое дерево – мужское начало), *ана - ағар бұлақ* (ручей – женское начало). Бинарные языковые композиции не противопоставлены, а взаимодополняют друг друга. Духовные ценности как отчизна/*атамекен*, родственные узы/*ата журт*, традиции/*ата-салт* - маскулинны, воспроизводящее начало жер/земля, су/вода - фемининно.

Фемининность и маскулинность резко разграничены в языке как полюса и противопоставлены друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценки) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого отношения) плане. Однако в последние десятилетия наметилась тенденция к изменению гендерного уклада в языке в связи с процессами, происходящими в общественно-политической жизни обществ. Политическая и социальная активность женщин положительно влияет на языковую представленность пола. Об этом свидетельствуют, в основном, описанные в работе примеры из немецкого (*Quotenfrau*, *Geschäftsfrau*, *Frau genug sein*) и в отдельных случаях из

русского языков (бизнес-леди, все люди сестры). В казахской языковой палитре таких изменений на момент исследования не обнаружено (кроме кәсіпкер әйел). Обобщая сказанное, нужно отметить, что гендерные отношения пронизывают сегодня все сферы социальной жизни. На наш взгляд, лингвистические исследования могут способствовать решению задачи преодоления гендерной стратификации в языке. Конечно, для этого необходим пересмотр отношения общества к женщине и отношений между полами, что должно будет найти свое отражение в языке.

Вторая глава «Репрезентация гендерных отношений в языковой картине мира» посвящена рассмотрению вопроса о том, как реализуются гендерные отношения в русском, казахском и немецком языках в рамках их этнолингвистических характеристик. В главе описан проведенный сопоставительный анализ пословиц и поговорок с целью выявления языковых и культурных различий изучаемых языковых картин мира с позиций гендера. В соответствии с поставленной целью из сборников казахских пословиц и поговорок было отобрано 477 единиц (из них 257 с мужской маркированностью и 220 - с женской), из немецких сборников - 309 единиц (171 и 138 соответственно), из русских сборников - 386 единиц (163 и 223). Под гендерной (мужской и женской) маркированностью мы, вслед за А. Кирилиной, понимаем указание на признак «лицо женского пола» или «лицо мужского пола», а не «лицо вообще» (Кирилина 1999).

Отсюда общий план выражения паремий в языках представлен бинарными оппозициями мужчина/женщина, парень/девушка, хозяин/жена. Материал показал, что репрезентация гендерных отношений выражена через внешние (физические, эстетические) (13 %); внутренние (ментальные, психологические) (43%); интерперсональные (этические, социальные) (44%) характеристики. Процентное соотношение исчислялось от общего числа пословиц соответствующего пола.

Как фрагмент речемыслительной деятельности человека паремии содержат в себе элемент оценки. В ходе анализа была установлена следующая закономерность: в исследуемых лингвокультурах в контексте паремий вокруг концепта «женщина» через семантические поля «мать», «жена», «сестра», «дочь», «сноха» создается более положительная картина. Однако описываемая реальность определена через оценочную шкалу с амбивалентными понятиями хорошо - плохо; нравственно - безнравственно; красиво – безобразно, прилежно - плохо. *Бір жақсы қыз екі ұлға татиды/Хорошая дочь стоит двух сыновей. Жәксы әйел жаманын жасырар жақсысын асырар/Хорошая жена скроет недостатки и преувеличит достоинства мужа.* Для сравнения в немецком языке пословицы «Wo die Frau wirtschaftet, wächst der Speck am Balken» (Где жена - хозяйка, там и балки салом обрастают) или «Eine fleissige Hausfrau ist die beste Sparbueckse» (прилежная хозяйка - лучшее сбережение) имеют схожую интерпретацию.

Вместе с тем общим в языках анализируемых культур является стереотипное мнение о низких интеллектуальных способностях женщины. *Әйелдің шашы ұзын, ақылы қысқа/у* женщины волос длинный, а ум короткий. Длинные волосы – основной атрибут красоты и признак казахской женщины. Учитывая тот факт, что

мнением женщины в обществе мужчин пренебрегали и появилась, вероятно, данная поговорка. В немецком и русском языках существует ряд эквивалентов, подтверждающих схожесть такой оценки женщины (Langes Haar, kurzer Sinn; Frauen haben so viel Verstand wie es Fleisch an einem Hühnerbein gibt; в длинном платье, да в коротком уме, умница – как пестрая курица), что дает нам право провести параллель между казахским, русским и немецким языками в их пренебрежительном отношении к женщине. Образ женщин часто характеризуется ментально отрицательным признаком «глупость», который сопровождается легкомыслием и слабоумием. Ряд пословиц немецкого языка (Frauen sind stärker als Männer, sie sterben nicht an Weisheit; Frauen denken nicht weiter als ihre Nasenspitze; Ein Hund ist klüger als eine Frau, er bellt seinen Herrn nicht an/Собака умней бабы: на хозяина не лает) более демонстративно указывает на природную ограниченность женщины и ее зависимость от мужа. Казахскоязычная паремиологическая картина подтверждает тот факт, что для женщины не важно наличие интеллекта, важно соответствовать требованиям мужчины и общества. Более ярко выраженное стереотипное представление о природной ограниченности женского пола в казахской лингвокультуре мы связываем со следующим фактом: в казахской культуре существует гораздо больше табу для женщин, о чем свидетельствуют следующие пословицы: *Әйелдің жолы тар/Дорога женщины уже. Жігітке отыз үйден, қызға қырық үйден тыйу/Для парня существует 30 запретов, а для девушки 40, қызды қартша сына, атты жігітше сына/ суди девушку по – стариковски, а лошадь - как джигит.*

В паремиологическом фонде немецкого языка обнаружено несколько эквивалентных единиц, отражающих выделенный выше стереотип: Frauen und Öfen bleiben zu Hause; Frauen und Öfen sollen nicht ausgehen; Frauen und Katzen ins Haus, Männer und Hunde auf die Strasse.

Рассмотрев внутреннюю характеристику женщин и мужчин через ментальный признак «ум», мы приходим к выводу, что в приведенных паремиях данный признак реализуется как «интуиция», но не «интеллект». Женщина познает окружающий мир посредством инстинктов, простой житейской мудрости: *Женский ум лучше всяких дум. Der vielgerühmte weibliche Instinkt gleicht einem Seismographen, der den Sturz eines Blumentopfes anzeigt, aber beim Ausbruch des Ätna versagt.* В контексте паремий казахского языка обозначилось еще одно значение лексемы ум – порядочность/верность: *Әйелдің ақылын жесірінде байқа* об уме (о порядочности) женщины можно судить, когда она овдовеет. Ментальный признак «ум» не включает склонность женщины к аналитическому или рациональному мышлению, напротив, от природы таким даром наделен «мужской» ум. В пословицах казахского (ум – 8%, глупость – 6% от общего объема пословиц с мужской маркированностью) и русского (ум – 2%, глупость – 2%) языков образ мужчины представлен в виде «простого мужика», наделенного смекалкой. Умом обладают в основном представители старшего поколения. Шкала оценки противопоставляет не гендерный фактор, а возрастной. *Атасыз ұл ақылға жарымас, анасыз қыз жасауға жарымас/Сын без отца не наберется ума, дочь без матери не наберется умений. Кәрі – кәрінің сөзі дәрі/Слово старца – лекарство.*

Отцовским умом жить деткам, а отцовскими деньгами не жить.

Асимметрично представлены в казахской культуре и гендерные отношения в плане социальных характеристик «сын» - «дочь», «жена» - «муж». Тот факт, что именно сын в казахской семье является наследником, а дочь не имеет абсолютно никаких прав на наследство даже в случае смерти родителей, определил низкий социальный статус девушки/женщины. *Қызға қараған күн – айсыз қараңғы түн*/Надеяться на дочь, все равно, что на безлунную ночь. *Жаман қатын қыз таба*/Плохая жена родит дочь. *Ұл тұғанға – күн туар*/Мать, родившую сына, ждет счастье. Ценность представительниц женского пола заключается в том, что они являются потенциальными матерями будущих потомков. *Ырыс алды қыз*/Предвестник счастья - дочь. *Бала таппаған қатыннан лақтаған ешкі арытық*/Родившая коза дороже жены, которая не рождает.

Наряду с описываемой тенденцией нами были обнаружены факты стремления женщин к власти над мужчиной. Это выражается в русских, казахских и немецких пословицах (в русских и казахских – по 1%, немецких – 5% от их общего объема). Но найденные примеры из казахского и русского языков непременно несут в себе негативную коннотацию. *Байын билеген әйел ауылды билеймін деп шәрәкім болады*/Жена, которая управляет мужем, возомнит себя шархакимом и захочет возглавить аул. Не то смешно – жена мужа бьет; а то смешно, что муж плачет.

По сравнению с русским и казахским языками, в пословичном фонде немецкого языка стремление к лидерству рассматривается с позитивной стороны: женщина способна подчинить себе мужчину благодаря своей хитрости, что скорее можно было бы отнести к ее достоинствам, чем к недостаткам. *Männer regieren die Welt, Frauen regieren die Männer; Frau Venus und das Geld regieren die Welt; die Welt kann zwar durch die Kraft des Mannes bewegt werden, gesegnet aber im eigentlichen Sinne des Wortes wird sie immer nur im Zeichen der Frau*/мужчины правят миром, а женщины мужчинами. Пословицы подчеркивают роль женщины в жизни мужчин. Умелое управление мужчинами, не затрагивающее их самолюбия, важно для мироустройства, двигателями которого являются «сильные мира сего».

В ходе анализа выявлены основные доминантные признаки мужчин. Это решительность, отвага, превосходство, прямолинейность, противопоставленные женской гибкости, хитрости, изворотливости: *Тура ағаш үйге тірек, тура жігіт елге тірек*/Прямое дерево - подпорка для дома, решительный джигит - опора для народа. *Батыр жігіт жол бастар, ақін жігіт той бастар*/Храбрый джигит путь начнёт, джигит-акын той начнёт. *Ауыр жүкті нар көтерер, ел жүгін ер көтерер*/Тяжёлую ношу осилит верблюд, ношу народа поднимет джигит. Приведённые выше пословицы определяют мужчину как лицо активное, наделенное этим качеством от природы, чем обуславливается его стремление к доминированию.

Жизненный путь мужчины – это поэтапное продвижение вперед, динамическое развитие и становление. Пословицы из казахского языка отражают здоровое стремление мужского пола к поиску своего жизненного пути и достижению высот: *Ер жігіттің өзі шығар биігі бар*/У каждого джигита есть своя

вершина. Возможные ошибки на жизненном пути мужчин - это скорее допустимые случайности, из которых всегда есть реальный выход: *Ат айналып қазығын табар , ер айналып елін табар*/Сколько бы конь не кружил, к коновязи своей вернётся, сколько бы джигит не бродил, на родную землю вернётся. Пословиц, отмечающих потенциальные возможности женщин, не обнаружено, что свидетельствует о неспособности женщины на самореализацию.

Немаловажным компонентом мужского и женского образов является пара признаков «лживость» – «честность». Наибольшее количество найденных примеров отражают лживость, коварство, хитрость – как основные характеристики женского образа: в рамках немецкого языка количество таких пословиц и поговорок насчитывает 11% от общего числа пословиц с женской маркированностью и 1% с мужской, среди русских – соответственно 9% и 6%, среди казахских – по 4%: *Männer lachen mit ihren Herzen, Weiber nur mit ihren Mündern*. Русскому мужику, хоть и в меньшей степени, чем женщине, но все же присуща способность обманывать (6% и 9%): *Мужик задним умом крепок*.

Сопоставляя пословицы и поговорки всех трех языков, мы убедились, что в народном сознании лживость – неотъемлемая характеристика женского образа, но, в казахском языковом сознании лживость присуща в равной степени как женщинам, так и мужчинам (по 4%). В то же время данная характеристика чаще относится к такой категории мужчин как *хан, мулла, бай*. Простой джигит никогда не обманет без нужды. *Молда өзін бір алдайды, өзгені екі алдайды*/ Мулла обманывает себя один раз, а других – дважды. *Бай аузында семіз сөз*/Вся щедрость бая в его языке. *Ер өтірік айтпайды. Ел өтірік айтады*/Не джигит лжет, а нужда заставляет.

В паремиологической картине мира в отличие от внутренних признаков по внешним характеристикам женщины занимают лидирующее положение. *Қыз елдің көркі, жігіт елдің көркі*/ Женщина украшение народа, а мужчина - украшение Родины.

Но как ни парадоксально, женская привлекательность в русской (5%) и немецкой (6%) паремиологических картинах мира актуализируется через ее отсутствие. Среди немецких пословиц и поговорок была найдена лишь одна языковая единица с эксплицитным указанием на идеал женской красоты. *Viel Bein, viel Ehre*.

Внешность не ставится во главу угла, это не самое важное условие для того, чтобы женщина считалась красивой. Намного важнее, чтобы она была хорошей хозяйкой, была доброй и заботливой и понятливой. *Красота приглядится, а ищи не прихлебаются*. Не ищи красоты, ищи доброты! *Қыз қылығымен жагады*/Девушка может понравиться своим поведением.

В казахской культуре внешняя привлекательность женщины рассматривается как природная данность, истинная красота заключается в ее женственности (5%). *Гүл өссе жердің көркі, қыз өссе елдің көркі*/ Цветы зацветут – землю украсят, девушки подрастут – аул украсят. *Гүл өссе жердің көркі, қыз өссе елдің көркі*. Цветок – краса земли, девушка – краса народа.

Внешняя красота выступает в роли «сексуальной привлекательности», выставляя, прежде всего, физические данные женщины. В русской культуре это

длинные волосы, сбитая фигура. Грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови соболя. *Коса - девичья краса. Красная краса - русая коса.* Красивыми считаются румяные и белолицые представительницы женского пола. *В праздник – белоличка, в будень – чумичка. Кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком.*

Любая женщина, если она любима и желанна, будет восприниматься как привлекательная. *Сұлу сұлу емес, сүйген сұлу/Красива не красавица, красива любимая. Не пригожа, да пригодна. Je schief, je lieber, eine Gerade hat jeder.*

В результате проведенного анализа обнаружилось, что наиболее многочисленными являются семантические поля «Поведение» и «Воспитание», в которых явно прослеживаются гендерные признаки. Наиболее часто это проявляется в использовании терминов родства: мать/отец, сестра/брат, сноха/сын и др. Языковой материал позволил сделать вывод о равноправном положении обоих полов и их равной ответственности за воспитание младшего поколения в большей степени в казахской культуре: *Атадан өсиет анадан қасиет/ от отца черты, а от матери качества; Ата-анаң бар болсын, бала кезде жар болсын/ И отец и мать опора для ребенка. Основное содержание пословиц ориентировано на подражание старшим по возрасту: поколение снох является образцом для незамужних родственниц, старшие братья – для младших, матери – для дочерей, а отцы – для сыновей. *Ананың ізін қыз басар, әкенің ізін ұл басар/Глядя на мать растёт дочь, глядя на отца растёт сын; ағасына қарай інісі, апасына қарай сіңлісі/Старший брат образец для младшего, сестра – сестрёнке. Қыз келіннен гибрат алсын, ұл елінен гибрат алсын/Дочь растёт, подражая снохе, а сын – Земле. В русских пословицах обнаруживается идентичная картина: *Первую дочь бери по матери, а вторую - по сестре.* Как уже отмечалось выше, о воспитании дочери судили по матери. Немецкая пословица «Barmherzige Mutter ziehen gründige Töchter» – предупреждение матерям, какое наказание можно понести за неправильное воспитание.**

Релевантным для исследования является также следующий факт. Наибольшее количество пословиц всех трех анализируемых языков (11% в немецком, 15% в русском и 36% в казахском языках) свидетельствует о том, что незыблемой ценностью жизни является женщина-мать, представленная как кормилица, опекун, воспитатель.: *Ананың сүті бал/Молоко матери мёд; Ердің анасы елдің анасы/Мать мужчины – мать земли; әйел жерден шыққан жоқ, ол еркектің баласы, ерлер көктен түскен жоқ, әйел оның анасы/Женщину создала не земля, а мужчина, мужчина не появился из небес, он - дитя матери. В русском языке: *Женщина - дарительница жизни. В немецком языке: Mutter hat Salbe für jede Wunde. Уважение и любовь к женщине воспитывается с детства: *Анаңды Меккеге үш рет арқалап апарсаң дақарызын өтей алмайсың/Долг перед матерью не окупишь даже если трижды на спине донесешь ее до Мекки. В пословице сопоставляются две святыни мусульманина: мать и Мекка. В немецкой культуре материнская любовь отождествляется с божественной: Mutterliebe ist die beste Liebe, Gottesliebe - die höchste Liebe.***

Кроме того нами выявлен ряд пословиц и поговорок, в которых гендерный признак выражен имплицитно, т.е. в них отсутствует явно маркированная лексика, которую можно было бы отнести к определённому полу. При более

подробном анализе компонентов высказываний всё же можно идентифицировать пол. Например, глагол «алу» многозначен в казахском языке, его основное, начальное значение – брать. *Есік көргенді алма, бесік көргенді ал*/Женись не на той, что видела дверь, а на той, что видела колыбель) – алу/брать - указывает на то обстоятельство, что право выбора оставалось всегда за «сильным» полом, так как *әйелді алады/в жены берут, күйеуге шығады/ замуж выходят*, что опять указывает на его превосходство. Субстантивирование *алғаным* используется в языке (например, в эпосе) в обратном контексте (жена по отношению к мужу) лишь метафорично как синоним слова *жұбайым*/ суженный мой. Поэтому в рамках данной структуры эквивалентом компонента *алу* предстает глагол «жениться». Второй компонент *есік*/дверь олицетворяет собой дом, но родной очаг находится там, где находилась колыбель человека. С колыбелью, конечно же, ассоциируется в первую очередь «материнское воспитание».

Жүзігің алтын болғанша, жүзің жарқын болсын/Лучше добрый взгляд, чем дорогой перстень – перстень (национальное украшение) - считался издавна чисто женской атрибутикой. Поэтому и за данной пословицей стоит обращение к женщинам. Как было отмечено, женщину оценивают не только по ее внешнему виду, но и по манерам поведения, как она приглашает в дом или встречает гостя, подает угощение и т.д. Последняя пословица «опредмечивает» национальный архетип «қонақ сыйлау/гостеприимство», занимающий наивысший рейтинг в национальной иерархии ценностей. Старшее поколение женщин «обучает» своим примером младшее искусству поведения, а мужская половина общества оценивает их умения. Немецкую пословицу «Ein freundliches Gesicht ist das beste Gericht»- «доброе лицо лучше мягкого пирога» - можно считать эквивалентом данной казахской пословицы.

Головной убор *бөрік*/шапка - принадлежность казахского мужчины. Судя по следующей поговорке, в отличие от женщины он по своей природе честолюбив. *Бөрік кигеннің намысы бар*/Кто носит шапку, честолюбив. Тот, кто считает себя мужчиной, не должен терять достоинства или быть честолюбивым.

По результатам анализа паремий трех языков можно сделать следующий вывод: в казахской языковой картине концепты «женщина» и «мужчина» представлены в их количественном соотношении шире, чем в немецком и русском языках. Наибольшее количество это пословицы, отражающие социальные характеристики. Объяснением данного факта может быть то, что в казахской культуре очень тесно поддерживаются родственные отношения, что выражено номинативной плотностью терминов родства: брат, сноха, сноха, золовка, деверь, свекровь, невестка, тесть, зять, замужняя дочь, родители и т. д. Как отмечает А. Кирилина (Кирилина 2000), количество номинаций концепта прямо пропорционально его культурной значимости для данного народа. Таким образом, социальный статус полов вовлечен в гендерные взаимоотношения.

В работе был использован метод количественного анализа, в результате которого нам удалось сопоставить проявление внутренних, внешних и интерперсональных признаков, лежащих в основе гендерных отношений в сравниваемых языках.

Таблица №1

Количественное соотношение гендерно маркированных пословиц и поговорок русского, казахского и немецкого языков

Характеристики	Немецкий язык		Русский язык		Казахский язык	
	Муж-ские	Жен-ские	Муж-ские	Жен-ские	Муж-ские	Жен-ские
Общее кол-во	171	138	163	223	257	220
<i>Внутренние признаки</i>						
Ум	8%	6%	2%	2%	8%	7%
Глупость	2%	11%	2%	7%	6%	4%
Честность	2%	-	0,6%	-	-	-
Лживость, коварство, хитрость	1%	11%	6%	9%	4%	4%
Упрямство, своеволие	-	2%	3%	5%	2%	2,7%
Верность слову	6%	-	-	-	1,5%	-
Необязательность	2%	-	-	-	-	-
Хвастливость	0,6%	-	-	-	3%	-
Трудолюбие	-	-	-	-	3%	-
Пристрастие к выпивке	5%	-	2%	-	-	-
Сила воли, мужество	1%	-	-	-	3%	-
Трусость	1%	0,7%	2%	-	1%	-
Честолюбие	-	-	-	-	3%	-
Расточительство	0,6%	1%	1%	0,4%	-	1%
Щедлость	-	-	-	-	1%	-
Бережливость	1%	1%	0,7%	-	1%	0,3%
Влюбчивость	7%	2%	0,7%	5%	3%	-
Сварливость, привередливость, злость	3%	7%	1%	7%	0,3%	6%
Расчетливость	1%	-	1%	-	3%	-
Эмоциональность	2%	2%	-	2%	-	4%
Иррациональность	4%	1%	-	1%	2%	-
Тщеславие	-	-	2%	-	-	-
Изменчивость, непредсказуемость	-	6,7%	-	5,2%	-	0,3%
Болтливость	-	3%	-	5,5%	-	1%
Любопытство	-	-	-	0,4%	-	-
Медлительность	-	-	-	1%	-	-
Осторожность	-	-	-	1%	-	-
Слезливость	-	4%	-	1%	-	0,3%
Скрытность	-	5%	-	-	-	1%

<i>Внешние признаки</i>						
Привлекательность	2%	6%	12%	5%	1,7%	5%
Непривлекательность	2%	2%	6%	2%	1%	2%
Сила	5%	-	1%	-	3,5%	-
Слабость	4%	0,7%	5%	-	4%	2%
Выносливость	-	1%	-	3,5%	1%	0,3%
<i>Интерперсональные признаки</i>						
Неверность, распушенность	6%	8%	5%	5%	0,3%	3,6%
Социальные характеристики	7%	11,4%	6%	15%	24,3%	36%
Отношение к браку	9,2%	-	11%	3%	9%	4,2 %
Мужские обязанности	6%	-	7%	-	5%	-
Главенствование мужчины над женщиной	11%	-	11%	-	4%	-
Глава семьи	2,6%	-	12%	-	-	-
Главенствование женщины над мужчиной	-	5%	-	1%	-	1%
Хранительница очага	-	-	-	3%	-	5%
Мачеха	-	1%	-	1%	-	0,3%
Женские обязанности	-	1%	-	9%	-	9%

Суммируя положительные и отрицательные качества мужчин и женщин в сопоставляемых культурах мы выяснили, что наиболее положительным предстаёт образ казахского мужчины (75,4 %), русский мужчина положителен на 66,3 %, немец - на 53,8 %. Женщины-казашки положительны на 59,8 %, что сравнительно выше, чем другие; русская женщина – на 39,5 %; немка – на 20,4 %. Большой количественный разрыв между женщинами позволяет нам судить о более выгодной представленности казахских женщин и меньшей выраженности андроцентризма в казахской лингвокультуре.

Вербальные репрезентации гендерных отношений нами были выявлены в произведениях писателей России, Германии и Казахстана. В них нашли широкое распространение гендерные стереотипы, отражающие концепты «мужчина» и «женщина». Равнозначную важность во всех языках имеет эстетическая оценка женской красоты, осуждение непристойного поведения, характеристика интеллектуальных способностей женщины, а также её социального статуса.

Концепты «женщина» и «мужчина» нашли отражение в природно-физическом, интеллектуальном и лингвистическом кодах культуры. Красота является неотъемлемой частью в системе отношений мужчин и женщин, центром внимания и обсуждения «мужского» языка. Акцент на эстетическую оценку привлекательности лиц женского пола мы находим в произведениях С.

Шаймерденова, В. Шукшина и М. Зейдеман. У русского писателя оценка привлекательности выражена специфическими лексемами «физианомия» (орфография В. Шукшина) и «мордашка», «прекрасная особа», для казаха характерно любование «своей чернобровой Шамшигуль». Эстетическая норма красоты требует молодости и физического здоровья, что мы и видим в речи жены Ленарта (М. Зейдеман): «Ich bin noch jung, meine Gesundheit ist gut» и Ивана (В. Шукшин): «Ей самой тридцать лет», «он гордился красивой женой». Связи между внешностью и возрастом мужчины с отрицательной эстетической оценкой внешности и возраста мы не наблюдаем: «Сорокалетний Иван был изрядно лыс, выглядел старше своих лет». В женщине ценятся её красота, молодость и здоровье независимо от того, какую культуру мы принимаем во внимание. Это касается также и измены женщины, которая вписывается в метафору «гулящая», что не одобряется бытовой моралью и приравнивается к отсутствию умственных способностей и выражается такими лексемами как «пустозвонство», «вильнуть хвостом», «надстроить рога» и т.д. В немецком языке «Lennart hörte im Laufe der Woche, dass seine Frau eine Rängelei mit einem Schausteller gehabt hatte». Но в этом плане наблюдаются межкультурные различия в восприятии лёгкого поведения. В рассказе В. Шукшина русский мужчина способен простить и забыть: «Да чёрт с ней не вытерпела там такой ловкач попался, что на десять минут голову потиряла, я бы какнибудь пережил это, может она вернётся» (сохраняем орфографию автора). Агрессию он направляет на любовника. Немецкий муж факт женской измены не терпит, он не проявляет эмоций, ибо мужественная культура знает лишь закон, власть, порядок. В проанализированных произведениях русских писателей наблюдается смягчение критериев маскулинности: русский мужчина эмоционален, чувствителен: «Так нехорошо, больно сделалось под сердцем, такая тоска и грусть взяла, чуть не заплакал». Успокоение он ищет в пьянстве, чтобы забыть душевную боль. Поступок оценивается с позиции совести, когда нравственность преобладает над законом: «им совестно станет».

Интересно рассмотреть социальный статус мужчин и женщин, сферу их деятельности. В маскулинной культуре на первом месте стоят материальные ценности, смысл жизни видится в работе. Мужчина соответственно держится уверенно, содержит семью, много времени уделяет своей работе и во внеурочное время. Мужчина окружён материальными ценностями, накопление денег - его стремление: «Lennart sammelte in seinem Haus Fünfmarkstücke». У русского мужчины работа существует сама собой: об их заслугах, достижениях в работе и в материальном плане умалчивается. Маскулинность проявляется в антисоциальной форме. Герои интересуются традиционными занятиями: пьянством, сопровождающимся инвективной лексикой: «...но у меня есть одна слабость: как выпью так начинаю материть всех...». Иногда русский муж возлагает дополнительную работу на жену, проявляя недостаток индивидуальной предприимчивости: «А в самом деле, не брать ли тебе Мотя заказов?». Судя по произведениям, представители женственной культуры не видят смысла жизни в работе.

Через различие в описании настроений персонажей (он – довольный, а она – никакая, просто шьёт), речевое поведение мужчины (пренебрежительное «баба», «дура», «Dummes Weib», «Dumme Frau»), использование необстоятельных императивов (шей, пользуйся) выражено его отношение к женщине. Женская речь ориентирована на подчинение и избегание конфликтов (молча шьет, молчаливость и выдержанность Шолпан, murmelt, nichts sagte).

Названия произведений (Lennart Haus, Lennarts Frau, Unwürdige Greisin, Dumme Frau, Плохая жена), отсутствие в произведениях имен собственных у женщин, их заниженный социальный статус (он – директор, она – домохозяйка, Direktor/ Zeichnerin, Hausfrau, Dienstmädchen) несут в себе уничижительную коннотацию, указывая на то, что женщина занимает второстепенное положение в иерархии и зависима от мужчины. Напротив, в казахских произведениях женщина имеет свое собственное имя, которое часто мотивировано и дает дополнительную характеристику героям и раскрывает их образы: Құлтума - рожденный быть рабом/подневольным, Щекер - сахар/сладость («Вина Кунекей» Ж. Аймаутова), Шолпан - Венера («Грех Шолпан» М. Жумабаева). Главенствующая позиция в семье закреплена за женщиной и нарушает привычный патриархальный гендерный уклад.

Концепты «женщина» и «мужчина» меняют постепенно свой облик, что наблюдается в произведениях М. Зощенко. Женщина предстает в трудовой ипостаси и занимает уже какое-то общественное положение, например это «заведующий баней» («Баня и люди») или служащая склада («Брак по расчету») с жалованием, ставкой. Форма мужского рода «заведующий», обозначающая денотат *женщина* повышает её социальный статус. Русский мужчина теряет свою социальную роль добытчика и становится приспособленцем, его интеллект ограничен (дурак, страдающий дальтонизмом, облезлый тип).

Поскольку проанализированные произведения типичны для литературы исследуемых языков 20 века, мы можем сделать вывод о том, что незыблемые понятия «мужское» и «женское» эволюционируют в соответствии с ходом истории, изменениями в политике, социуме. Данные сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что концепты «мужчина» и «женщина» находят множественное проявление в номинативной системе, в устойчивых сочетаниях, паремиологических единицах сопоставляемых языков. Исследуя способы языкового выражения концептов в лексической и фразеологической системах, мы обнаружили основные сходства и различия в реализации изучаемого феномена в сопоставляемых языках. Концепты «мужчина» и «женщина» проявляются не только в плане социального неравенства и разногласия, а также при помощи различных лексических и стилистических средств. Проведенное исследование подтверждает вывод о том, что гендерные различия не даны, не установлены природой, а определяются самим человеком и являются конструктом культуры, изменяясь вместе с ней по мере развития самого общества. В этом развитии принимает участие, конечно же, художественная литература. Используя готовые модели женских и мужских образов, она, в свою очередь, способствует закреплению стереотипов в сознании людей, и вместе с тем отражает динамику в отношениях между полами.

В работе найдено подтверждение гипотезы о том, что язык и культура объединяют в гендерном аспекте все народы, но, тем не менее, вносят свои национальные особенности, из которых исходит суждение о степени андроцентризма разных языков и культур. Отсутствие в казахском языке грамматической категории рода, четких морфологических средств, служащих для обозначения мужского и женского рода, могут служить аргументом в пользу сниженной андроцентричности казахского языка. Но в то же время наличие многих маркированных лексем балансируют степень андроцентризма в языке. Анализ материала показал, что андроцентризм присущ в большей степени русскому и немецкому языкам за счет наличия морфологических средств, служащих для обозначения пола. О степени андроцентризма можно судить по указанным выше нормативно-ценностным ориентирам культур.

В результате рассмотрения лингвокультурологического аспекта гендерных отношений в паремиях и художественной литературе мы пришли к выводу о том, что лингвокультурология выдвигает на первый план проблему изучения человека в языке. Каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, поэтому язык способен отображать национальную ментальность его носителей. Являясь «константами культуры» паремии языков отражают ядро концептов «мужчина» и «женщина». Изменения в периферийной зоне данных концептов связаны с общественно-политической эволюцией общества и находят отражение в произведениях художественной литературы.

В целом, анализ состояния гендерных отношений показывает на необходимость более глубокого теоретического изучения гендерного аспекта в номинативной системе казахского языка. В рамках сопоставительного изучения нам удалось выявить и описать гендерный аспект в казахском языке на материале паремий и художественной литературы в сопоставлении с русским и немецким языками.

В заключении отмечается, что национальное языковое самосознание вступило в новую стадию своего развития. Гендерные исследования, как и гендерное образование в целом, способствуют улучшению гендерной политической культуры. Лингвисты, писатели, представители средств массовой информации стали искать и использовать различные языковые ресурсы для обозначения новых реалий жизни, в том числе и в плане гендерных отношений. Исходя из этого, можно предполагать, что с изменением общественно-политических взглядов будет восполнена языковая асимметрия, что, в свою очередь приведет к равной языковой представленности мужчин и женщин.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОШЛИ АПРОБАЦИЮ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Гендерный аспект в казахском эпосе // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи. Соликамск, 2004. – Т. III. (С.182-185).
2. Культурная общность и специфика гендерных отношений в сопоставительном анализе // Диалог языков и культур в гуманистической парадигме: Материалы международной научной конференции. Челябинск, 2004. - Вып. 7. (С. 64-66).
3. Выявление основных культурных стереотипов (на материале казахских пословиц // Перевод и сопоставительная лингвистика. Ежегодный журнал научных трудов. Екатеринбург, 2004. (с. 45-47).
4. Культурно-символические коды как семантические наполнители концепта «женственность» // Теория и практика перевода и профессиональной подготовке переводчиков: Материалы Международной конференции. Пермь, ПГТУ, 2005 (с. 232-237).
5. Культурная специфика гендерных отношений в сопоставительном аспекте // Когнитивно-прагматические аспекты функционирования и дискурса в общетеоретическом и сопоставительном плане: Межвузовский сборник научных трудов. Челябинск, 2005. (с. 31-33).
6. Лингвокультурная специфика гендерных отношений русского, казахского и немецкого народов // Актуальные социально-экономические проблемы образования и науки на современном этапе: Материалы Международной конференции. Кокшетау, 2005 (с. 25-30).
7. Гендерные стереотипы в журналах для мужчин и женщин (на материале немецких и российских изданий) // Интеграция деятельности «школа-вуз» как залог успешной профессиональной подготовки будущего учителя: Материалы Международной конференции. Костанай, 2005 (с. 65-70).

Подписано в печать 21.10.05. Тираж 100 экз.
Объем 1,4 уч.-изд.л. Формат 60x84 /16. Заказ 216.

Полиграфический участок Издательского центра ЧелГУ
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 «б»

Челябинский государственный университет
454021 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129